

ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ В РАЗЛИЧНЫХ КОММУНИКАТИВНЫХ КОНТЕКСТАХ

Обзорная статья
УДК 81'42+81'271:811.111

Англоязычная межличностная лингвопрагматика: новые тенденции в изучении коммуникативного поведения

Н. Н. Германова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
nata-germanova@yandex.ru

Аннотация. В статье представлен анализ англоязычной межличностной лингвопрагматики как перспективной области прагматических исследований. Предметом исследования являются статус межличностной лингвопрагматики, ее методологические основания, методы исследования и концептуальный аппарат. Показано, что важнейшими характеристиками современных исследований коммуникативного поведения является расширение объекта исследования, использование дискурсивных методов и опора на интеракционизм в качестве методологической базы. Новый подход подчеркивает интерсубъективность в формировании значений и межличностных отношений, а также многофункциональный и многосторонний характер речевых актов.

Ключевые слова: межличностная лингвопрагматика, коммуникативное поведение, теории вежливости, невежливость, интеракционизм

Для цитирования: Германова Н. Н. Англоязычная межличностная лингвопрагматика: новые тенденции в изучении коммуникативного поведения // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 8 (902). С. 41–50.

Review article

Interpersonal Pragmatics: New Tendencies in Studies of Communicative Behaviour

Natalia N. Guermanova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
nata-germanova@yandex.ru

Abstract. The article presents an analysis of interpersonal pragmatics as a burgeoning field of pragmatic research. The present paper covers the status of interpersonal pragmatics, its methodological foundations, methods and the conceptual apparatus. The author highlights such features of modern research into communicative behaviour as the expansion of the object of research, the use of discourse analysis and recourse to interactionism as the theoretical foundation. The new approach accentuates intersubjectivity in the process of meaning formation and the construction of interpersonal relations, and reveals the multidirectional and multifunctional character of speech acts.

Keywords: interpersonal pragmatics, communicative behaviour, politeness theories, impoliteness, interactionism

For citation: Guermanova, N. N. (2025). Interpersonal pragmatics: new tendencies in studies of communicative behaviour. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 8(902), 41–50. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

С конца 80-х годов XX века изучение речевого поведения в лингвопрагматике находилось под сильным влиянием теорий вежливости. Первой работой принято считать статью Р. Лакофф «Логика вежливости», в которой она дополнила принцип кооперации Г. П. Грайса, суть которого, с ее точки зрения, сводилась к требованию ясности, принципом вежливости (1973). Следующей вехой в исследовании феномена вежливости стало выделение максим вежливости Дж. Личем (1983). Но настоящий прорыв совершила монография П. Браун и С. Левинсона [Brown, Levinson, 1987], трактовавших вежливость как избегание ликоугрожающих актов. Эта работа надолго определила повестку исследований коммуникативного поведения в западной лингвопрагматике.

Со временем, однако, в такой трактовке вежливости обнаружились слабые стороны, что привело к появлению альтернативных теорий: это теория разговорного контракта Б. Фрейзера и У. Нолен, понимание вежливости как эмотивной коммуникации в работах Г. Арндт и Р. Дженни, трактовка вежливости как прагматически маркированного поведения Р. Уоттсом и др. [Ларина, 2003; Германова, 2021]. Однако в итоге так и не было предложено определение вежливости, которое бы устроило всех исследователей. Выработка такого определения затруднялась, в частности, различиями в понимании феномена вежливости представителями восточных и западных лингвокультур.

Обнаружились и методологические просчеты, на которые первыми обратили внимание Р. Уоттс и Дж. Илен [Watts, 2003; Eelen, 2014]. Их суть заключается в неразличении вежливости в ее понимании рядовыми носителями языка (вежливость первого порядка) и вежливости как модели, выстроенной лингвистом (вежливость второго порядка); проблема заключается в том, что обиходное понимание вежливости может существенно отличаться от теоретических построений исследователей, что ставит под сомнение валидность последних.

Целью настоящей статьи является выявление новых тенденций в изучении коммуникативного поведения, которые, не отрицая достижений лингвопрагматики вежливости, стремятся расширить ее рамки и преодолеть определенную односторонность в понимании объекта, предмета и методов исследований.

Такой тенденцией, в последние десятилетия активно набирающей обороты, стали исследования проблем межличностного общения, получившие название «межличностная прагматика», или «прагматика взаимоотношений». К авторам, работающим в этом направлении, относятся М. А. Лочер, Р.

Уоттс, Х. Спенсер-Оути, М. Хо, Д. Кадар, С. Милз, Дж. Калпепер, Р. Арундейл, М. Сифиану и др. Проблемам межличностной лингвопрагматики посвящен (полностью или частично) ряд монографий [The Sage Handbook of Interpersonal Communication, 2011; Interpersonal Pragmatics, 2010; The Handbook of Interpersonal Communication, 2008; The Palgrave Handbook of Linguistic (Im)Politeness, 2017; Arundale, 2020], а также большое число статей; о значимости этих исследований свидетельствует специальный выпуск журнала *Journal of Pragmatics* (2013), полностью посвященный этой проблематике.

Новизна настоящего исследования определяется тем, что преемственность и новации в развитии лингвопрагматики последних десятилетий не получили должного освещения в отечественной лингвистике. Между тем предлагаемые подходы к изучению коммуникативного поведения представляют большой интерес для отечественных исследователей, что и определяет актуальность и практическую ценность данной статьи.

В статье представлен теоретический анализ объекта исследования, методологических оснований, аналитических инструментов и концептуально-аппарата межличностной прагматики.

В задачи исследования входит характеристика

- объекта межличностной прагматики
- возможностей дискурсивных исследований для изучения коммуникативного поведения в рамках межличностной прагматики
- интеракционизма как методологической основы межличностной прагматики

1. МЕЖЛИЧНОСТНАЯ ПРАГМАТИКА: РАСШИРЕНИЕ СФЕРЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

1.1. Объект исследования и ключевые термины межличностной прагматики

Акцент на вежливости, характерный для лингвопрагматических исследований с конца 1980-х годов, дает одностороннее представление о целях и характере межличностной коммуникации¹. Очевидно, что в ходе интеракции говорящие реализуют различные интенции, которые отнюдь не сводятся к заботе о лице собеседника путем избегания

¹В отечественной лингвистике принято различать понятия «коммуникация» и «общение»; с учетом этого разграничения, термин 'interpersonal communication' было бы правильно перевести как «межличностное общение». Однако в англоязычной прагматике понятия «общение» и «коммуникация» терминологически не противопоставляются: авторы предпочитают говорить о разных (мета)функциях и видах дискурса (см. подробнее ниже). Исходя из этого, мы сохраняем перевод «межличностная коммуникация», чтобы не удаляться от англоязычной терминологии.

ликоугрожающих актов. Исследования последних десятилетий стремятся охватить весь континуум межличностных отношений. В разработке этого направления приняли участие лингвисты из различных стран – Великобритании, Венгрии, Греции, Швейцарии, Австралии, США, объединенные общим пониманием объекта исследования, методологической базой и концептуальным аппаратом.

Статус этих исследований остается дискуссионным. В работах 2010-х годов межличностную прагматику позиционировали как новое междисциплинарное направление исследований, «наводящее мосты между областями Прагматики и Коммуникации и другими смежными областями»¹ [Haugh, Kádár, Mills, 2013, с. 2]. В новейших публикациях она выступает как составная часть социопрагматики [The Cambridge Handbook of Sociopragmatics, 2021]. Термин «социопрагматика» был предложен Дж. Личем (1983) для обозначения исследований того, как принцип кооперации и принцип вежливости работают в разных культурах, языковых сообществах, социальных ситуациях и социальных классах. Дж. Лич противопоставлял социопрагматику общей прагматике, исследующей общие условия коммуникации, и прагмалингвистике, изучающей лингвистические ресурсы языка для передачи конкретных иллокуций [Leech, 2016]. Авторы кембриджской монографии в целом принимают это деление, но отмечают, что их трактовка социопрагматики намного шире, и ее «тремя китами» являются социальное, интерактивное и нормативное измерения речевого употребления [The Cambridge Handbook of Sociopragmatics, 2021]. Межличностная прагматика представлена в этой монографии как один из подходов социопрагматики, наряду с разговорным анализом, социокогнитивной прагматикой, кросс-культурной прагматикой, вариационистской прагматикой и др.

Впрочем, соотношение межличностной прагматики и других направлений социопрагматических исследований остается неопределенным. Как пишут авторы опубликованной в этом издании главы «Межличностная прагматика», данное направление – это «исследовательская перспектива, а не единая теория»; она не вписывается в какой-то определенный раздел прагматики, но и не является зонтичным термином по отношению к другим линиям исследований прагматики в целом и социопрагматики в частности» [Locher, Graham, 2021, с. 570]. Это достаточно размытая характеристика показывает, что статус исследований межличностной коммуникации остается неопределенным. Одной из причин является, по-видимому, то обстоятельство,

что вопрос о дискурсивном конструировании межличностных отношений актуален также для работ в области теории коммуникации, вежливости, конструирования идентичности, риторики, причем исследователи не обязательно используют терминологию межличностной прагматики [Locher, Graham, 2021]. Добавим, что способы выражения межличностных отношений представляют большой интерес и для различных направлений сопоставительных исследований (межкультурная прагматика, кросс-культурная прагматика и т. п.).

С нашей точки зрения, с учетом вышесказанного межличностную прагматику можно определить как достаточно четко очерченную проблемную область со своим объектом изучения – межличностной коммуникацией – но разными предметами исследования, представляющими интерес для различных направлений лингвопрагматики (и, шире, лингвистики), опирающуюся по большей части на дискурсивно-интеракционистские методы анализа материала.

Заметим, что понятия межличностных отношений и межличностной коммуникации, как и ранее понятие «вежливость», могут трактоваться по-разному. Как отмечают М. Хо, Д. Кадар и С. Милз, межличностная коммуникация в прототипическом случае ассоциируется прежде всего с 1) с неформальной коммуникацией, 2) наличием, по крайней мере, двух участников интеракции, 3) их физической близостью, 4) индивидуальной, личной и психологической информацией [Haugh, Kádár, Mills, 2013].

Однако, как справедливо отмечают авторы, подобного рода коммуникация может осуществляться и в рамках институционального дискурса между разностатусными коммуникантами (например, между начальником и подчиненным, между врачом и пациентом и т. п.); в ней могут принимать участие более двух коммуникантов; она может быть опосредована различными средствами связи, такими как телефон или интернет; межличностная коммуникация отражает не только отношения между участниками данной интеракции, но и нормы и предпочтения более крупных сообществ, таких как социальные сети или сообщества совместной практики [там же].

Это широкое понимание межличностных отношений отражено в определении, предложенном М. Хо и Дж. Калпепером, которые трактуют их как «взаимные социальные связи между людьми, которые опосредованы интеракцией, включая власть, интимность, роли, права и обязанности» [Haugh, Culpeper, 2014, с. 197]. Из этого следует, что в межличностной коммуникации коммуниканты выступают не только как индивиды, но и как представители более крупных культурных и социальных сообществ.

Таким образом, межличностная коммуникация не может быть отождествлена с личностным

¹Здесь и далее перевод наш. – Н. Г.

дискурсом в его противопоставленности дискурсу институциональному. Главной ее характеристикой является нацеленность не на передачу информации, а на формирование отношений между участниками интеракции. Сторонники данного подхода разделяют мнение Н. Энфилда, утверждавшего, что изучение человеческих отношений должно стать ключевым фокусом прагматики. Свой призыв к рассмотрению проблем прагматики через призму отношений (*relation thinking approach*) Н. Энфилд обосновывал тем, что «формирование и поддержание отношений – это первичный локус социальной организации», лежащий в основе функционирования общества [Enfield, 2009, с. 60].

Противопоставление «передача информации» vs «выстраивание отношений», в котором они выступают как две важнейшие функции коммуникации, фигурирует во многих работах англоязычных авторов. Еще М. Хэллидей писал о двух метафункциях языка: передаче содержательной (*ideational*) стороны и функции межличностной, направленной на конструирование отношений. Б. Бернштейн, противопоставляя развернутый и ограниченный коды, утверждал, что первый нацелен на передачу информации, а второй – на поддержание межличностных отношений. Г. Каспер противопоставлял транзакционный (*transactional*) и интеракционный (*interactional*) типы дискурса: первый направлен на передачу информации, второй – на формирование межличностных отношений. Н. Энфилд писал об информационном императиве и императиве аффилиации, управляющими интеракцией.

Хотя обе функции – передача информации и выстраивание межличностных отношений – присутствуют в той или иной мере в любом дискурсе, для межличностной прагматики особый интерес представляет интеракционный дискурс, в котором говорящие осуществляют «работу над отношениями».

Новыми ключевыми терминами прагматики, описывающими поведение участников интеракции, стали содержательно близкие обороты «управление взаимоотношениями» (*rapport management*) [Spencer-Oatey, 2000; Spencer-Oatey, 2005] и «работа над отношениями» (*relational work*) [Locher, Watts, 2005]. Они охватывают весь континуум типов поведения – от вежливого и почтительного до грубого и агрессивного.

Так, по мнению Х. Спенсер-Оути, участники интеракции могут стремиться

- улучшить взаимоотношения, прибегая к похвале, лести, извинениям и т. д. (*rapport-enhancement orientation*);
- сохранить достигнутый уровень отношений, используя традиционные формулы вежливости, избегая ликоугрожающих речевых

актов или смягчая их (*rapport-maintenance orientation*);

- игнорировать работу над отношениями (*rapport-neglect orientation*) в ситуации, когда на первый план выходят другие коммуникативные задачи;
- идти на конфликт, бросая вызов сложившимся отношениям (*rapport-challenge orientation*) [Spencer-Oatey, 2000].

М. Лочер предпочитает термин «работа над отношениями» (*relational work*), замечая, впрочем, что он практически совпадает, или, по крайней мере, очень близок к «управлению отношениями» в понимании Х. Спенсер-Оути. «Работа над отношениями», по определению М. Лочер, – это «процесс определения отношений в интеракции» [Locher, 2004, с. 51], который в ее понимании охватывает весь континуум вербального поведения, включая общественно приемлемые и неприемлемые формы, причем невежливое поведение так же важно в конструировании отношений, как вежливое. Все эти типы поведения участвуют в конструировании лица участников интеракции.

М. Хо и Дж. Калпепер рассматривают сферу межличностной прагматики более дифференцированно. Они противопоставляют межличностные взаимоотношения (*interpersonal relations*) и межличностные аттитюды (*interpersonal attitudes*). Первые характеризуют отношения, которые складываются между участниками коммуникации и имеют отношение к распределению между ними власти, социальных ролей, прав и обязательств, а также к степени их близости и интимности. Под вторыми авторы понимают эмоциональные отношения симпатии, антипатии, отвращения, страха, гнева и т. п. Межличностные аттитюды в таком понимании связаны с субъективными, часто иррациональными межличностными эмоциями и межличностными оценками, которые влияют на восприятие собеседника, а иногда и на поведение по отношению к нему. Все эти аспекты межличностного поведения тесно взаимосвязаны и находят выражение в речи [Haugh, Culpeper, 2014].

1.2. Исследования невежливости

Своего рода реакцией на чрезмерное увлечение вопросами вежливости стали исследования невежливости (*impoliteness*) [Culpeper, 1996; Culpeper, 2011; Culpeper, Hardacker, 2017; Bousfield, 2010; *Impoliteness in Language...*, 2008; *Interdisciplinary Perspectives on Im/politeness*, 2015 и др.], выделившиеся в отдельную сферу лингвопрагматических исследований. Речь идет о вербальном поведении, которое можно охарактеризовать как атаку на лицо, вербальную агрессию, грубость, оскорбление;

несмотря на определенные различия, в настоящем разделе мы, вслед за англоязычными авторами, будем для их обозначения использовать зонтичный термин «невежливость». Первые работы на эту тему появились уже в 1980-е годы, но систематическое исследование данного феномена началось только в XXI веке (обзор работ по невежливости, в том числе и в хронологической перспективе, см. в [Culpeper, Hardacker, 2017]). Помимо изучения невежливости в бытовом общении, исследователи обращаются к медиаресурсам, интернет-коммуникации, политическому дискурсу, литературе.

Поначалу трактовка невежливости продолжала напрямую зависеть от теории вежливости. Так, среди стратегий невежливости, выделенных Дж. Калпепером в его ранней работе [Culpeper, 1996], фигурируют, среди прочих, эксплицитная невежливость (*bald on record impoliteness*); «позитивная» невежливость, то есть невежливость по отношению к позитивному лицу адресата (*positive impoliteness*) и «негативная» невежливость, то есть невежливость по отношению к негативному лицу адресата (*negative impoliteness*), скрытая невежливость (*off-record impoliteness*); все эти стратегии явно перекликаются со стратегиями вежливости и терминологией П. Браун и С. Левинсона [Culpeper, 1996].

Со временем, однако, стало очевидно, что стратегии невежливости далеко не всегда являются зеркальным отражением стратегий вежливости. Так, адресат может счесть оскорбительным покровительственный или подчеркнуто вежливый тон собеседника, расценить как невежливое проявление агрессии или употребление табуированных слов, хотя эти явления не соотносятся напрямую с феноменами, рассматриваемыми в теории вежливости [Haugh, Culpeper, 2014]. Невежливость в значительно большей степени, чем вежливость, связана с сильными эмоциями адресанта и адресата (злость, гнев, ненависть, стыд, унижение и т. п.). При этом использование говорящим выражений, которые принято считать невежливыми, не всегда имеет целью оскорбить собеседника – интенцией адресанта может быть дружеское поддразнивание, словесная игра (ср. описанное У. Лабовым ритуальное оскорбление как словесное состязание подростков-афроамериканцев), даже проявление заботы о собеседнике и, следовательно, укрепление внутригрупповой солидарности и даже выражение теплых чувств (ср. *You silly girl!* / Дурочка ты моя!). И, напротив, оскорбительным в определенном контексте может быть высказывание, не содержащее маркеров невежливости (ср. вопрос, адресованный свекровью молодой хозяйке: «Ты картошку умеешь варить?»). Таким образом, подчеркивают современные исследователи,

невежливость – это не просто антипод вежливости, а отдельный психический и дискурсивный феномен.

Во главу угла ставится понимание невежливости рядовыми носителями языка (т. е. невежливость рассматривается как феномен первого порядка) [Bousfield, 2010]. При таком подходе становится очевидным, что невежливость не является отклонением от нормы (в определенных контекстах она даже может быть нормой, как, например, это происходит в политических дебатах) и может выполнять широкий спектр функций, не обязательно деструктивных.

Как отмечает Дж. Калпепер, исследования невежливости второй и третьей волны вписываются в круг работ по межличностной прагматике с ее дискурсивно-интеракционистским подходом [Culpeper, Hardacker, 2017] (об интеракционистском подходе см. подробнее раздел 2). Характерным для этих работ является вовлечение в круг исследования адресата с его восприятием ситуации: «прототипическая невежливость» обнаруживается тогда, когда 1) говорящий совершает «атаку» на лицо говорящего намеренно (или, по крайней мере, может предугадать, что его высказывание будет воспринято таким образом) и 2) когда адресат воспринимает высказывание как намеренно оскорбительное [Culpeper, Hardacker, 2017]. Восприятие высказывания как оскорбительного влечет за собой ответное оскорбление, метапрагматические комментарии и / или вербальные и невербальные проявления эмоций, свидетельствующие об обиде, гневе и других негативных эмоциях. Это ставит перед исследователем вопрос о типичных реакциях адресата на проявление невежливости, что согласуется с дискурсивно-интеракционистским подходом.

2. ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ И ИНТЕРАКЦИОНИЗМ В МЕЖЛИЧНОСТНОЙ ПРАГМАТИКЕ

Важной инновацией последних десятилетий стал дискурсивный анализ обширных фрагментов межличностной интеракции. Исследователям удалось преодолеть один из «грехов» (по определению Д. Франк) теории речевых актов: ограничение анализа рамками отдельных предложений или, в лучшем случае, диалогических пар [Франк, 1986]. Заметим, что этот «грех» были присущи многим ранним исследованиям категории вежливости, в том числе и классической работе П. Браун и С. Левинсона.

Работы в области межличностной прагматики отличает переход от анализа минимальных контекстов к изучению достаточно обширных фрагментов дискурса и интеракционизм как методологическая база исследований. От «лингвистики высказываний»

ученые переходят к изучению значений, приобретаемых в более широком дискурсивном пространстве¹.

Дискурсивный подход объясняется тем, что коммуникативные задачи часто решаются в ходе достаточно длительных интеракций: коммуникативный ход одного собеседника порождает реакцию другого, на которую следует ответ первого собеседника и т. д.; соответственно, анализ отдельных реплик должен осуществляться в контексте с учетом меняющихся интенций говорящих. Так, исследования речевого акта «выражение несогласия» показали, что в ходе дискуссии резкость выражения своей позиции участниками интеракции может как нарастать (говорящие все более прямолинейно формулируют свои взгляды, чтобы склонить собеседника на свою сторону), так и ослабевать (участники дискуссии, почувствовав, что их реплики задевают собеседника, ищут компромисс) [Sifianou, 2012].

Очевидно, для изучения динамики интеракции в качестве материала требуются достаточно обширные отрывки дискурса и акцент на их качественном, а не количественном анализе.

Интеракционистский подход подразумевает внимание ко всем участникам интеракции. Исследователи полагают, что в ранних исследованиях вежливости излишне большое внимание уделялось индивидуальному лицу говорящего, в то время как целесообразно сосредоточиться на взаимоотношениях участников коммуникации. Это означает внимание не только к адресанту и его интенциям, но и к адресату и его реакциям: предполагается, что формирование идентичностей коммуникантов и их взаимных отношений происходит в результате совместных усилий в ходе интеракции, так что межличностные взаимоотношения – это не заранее заданный контекст, но результат интерактивной деятельности [Haugh, Kádár, Mills, 2013]. Последняя, по определению Дж. Арундейла, является эмерджентной и погруженной в ситуацию. Первое означает, что значения, передаваемые коммуникантами, и их действия формируются intersubjectively в ходе взаимных усилий и не сводятся к сумме значений отдельных высказываний, принадлежащих индивидуальным коммуникантам. Второе свойство, получившее название 'situatedness', означает, что намерения приписываются собеседником говорящему в

процессе интеракции, исходя из конкретной ситуации общения [Arundale, 2021].

Интеракция понимается исследователями как динамический процесс, участники которого формируют, развивают, а нередко и пересматривают отношения с собеседником. Авторы разделяют постмодернистское интеракционистское понимание идентичности: идентичность, с их точки зрения, – это не стабильная раз и навсегда фиксированная структура, она конструируется, утверждается, уточняется, пересматривается в ходе интеракции. Она формируется под влиянием этнокультурных и социодемографических факторов (класс, пол, гендер) и тех коммуникативных ролей, в которых индивид выступает в данной интеракции (советчик, критик, шутник и т. п.). Конструирование идентичности – это не вполне рациональный и осознанный процесс, некоторые стороны идентичности могут быть привычными и не осознаваться самим говорящим, но они могут стать очевидными (в том числе для самого говорящего) на фоне реакций на его поведение других участников интеракции и окружающих.

М. Хо и Дж. Калпепер противопоставляют две трактовки личностных отношений в межличностной коммуникации [Haugh, Culpeper, 2014]: 1) отношения между коммуникантами как заранее заданный контекст (с их точки зрения, такой взгляд был присущ теории П. Браун и С. Левинсона); 2) отношения между коммуникантами, рассмотренные в процессе их создания в ходе коммуникации. Авторы решительно поддерживают второй взгляд, в котором личностные отношения выступают как эндогенный по отношению к интеракции фактор. Они полагают, что власть и дистанция, которые выступали у П. Браун и С. Левинсона в качестве важнейших социолингвистических переменных, устанавливаются и пересматриваются в ходе дискурсивной деятельности. Стратегии вежливости и невежливости не являются реакцией на сложившиеся отношения власти и дистанции, но сами формируют их. Отношения между участниками коммуникации, с их точки зрения, не субъективны, а intersubjectively.

Заметим, что хотя в таком подходе есть здоровое зерно, на наш взгляд, эти две трактовки (межличностных отношений, скорее, дополняют, а не отрицают друг друга: вступая в коммуникацию, ее участники имеют некоторое исходное представление о взаимных социальных позициях, обязательствах и намерениях. Это исходное предположение может быть ошибочным, но определенное предположение о том, «кто есть кто» и как с этим «кем-то» следует себя вести, у участников интеракции существует еще до начала вербального (и в некоторых случаях невербального) контакта. Дальнейшая коммуникация подтверждает, уточняет,

¹Хорошим примером является исследование М. Лочер [Locher, 2004]. Материалом для его эмпирической части стала магнитофонная запись дружеской беседы, длившаяся 2 часа 55 минут; для детального анализа автор выбрала спор, длившийся 14 минут. Вторая анализируемая автором магнитофонная запись делового совещания длится 90 минут, из которых автор также выбрала интересные ее моменты. Третья запись представляет собой 30-минутное интервью президента Клинтона, четвертое – запись предвыборных дебатов Дж. Буша и А. Гора.

модифицирует, опровергает первоначальное распределение ролей, так что в результате коммуникативной деятельности межличностные отношения могут быть – а могут и не быть – пересмотрены. Изучение этого процесса, несомненно, представляет интересное поле для наблюдений.

Дискурсивный подход повлек за собой и новый взгляд на характеристику речевых актов. Как полагают современные авторы, неверно рассматривать тот или иной речевой акт как априори вежливый или невежливый, угрожающий конкретно позитивному или негативному лицу говорящего или собеседника, как это делали П. Браун и С. Левинсон. Нельзя однозначно приписывать некоторому языковому выражению определенную функцию: оценка любого речевого акта может быть осуществлена только в контексте с учетом реакции адресата. Так, подчеркнуто вежливое речевое поведение в определенном контексте может быть воспринято адресатом как насмешка, использование формул вежливости в общении с близкими людьми – как знак дистанцирования, выражение несогласия может быть истолковано как вовлеченность в коммуникацию и / или забота о собеседнике и т. п.

Любой речевой акт, полагают исследователи «новой волны», является мультифункциональным и многосторонним [Sifianou, 2012; Angouri, Locher, 2012]. Мультифункциональность проявляется в том, что одно и то же высказывание может выполнять несколько функций. Так, выражение несогласия не просто информирует собеседника о позиции адресанта: одновременно оно может свидетельствовать о его глубокой вовлеченности в коммуникацию, стремлении уберечь адресата от ошибки и за счет этого укреплять, а не разрушать связи между собеседниками. В другом контексте, напротив, оно может восприниматься как конфронтация, стремление доминировать над собеседником и желание одержать над ним верх. В академическом дискурсе несогласие с научным оппонентом является неотъемлемой частью поиска научной истины, в политике оно выполняет агональную функцию, в бизнесе помогает найти оптимальное практическое решение и т. п. В разных видах дискурса – от бытового до академического – выражение несогласия позволяет адресанту найти сторонников, обозначив свою принадлежность к тем кругам, которые разделяют позицию говорящего, то есть выполняет и консолидирующую функцию [Sifianou, 2012].

Многосторонний характер речевого акта заключается в том, что он оказывает влияние на лицо обоих участников коммуникации. Например, совет, который в классической теории вежливости рассматривался как речевой акт, угрожающий негативному лицу адресата, может влиять и на позитивное лицо адресанта, либо укрепляя его (дающий совет предстает человеком более опытным и знающим), либо, если советы назойливы и неуместны, создавая ему негативную репутацию.

Очевидно, что для всесторонней оценки речевого акта необходим достаточно обширный фрагмент дискурса и учет реакции адресата, т. е. дискурсивно-интеракционистский подход.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование межличностной коммуникации, к которому, начиная с 2010-х годов, приковано внимание англоязычных исследователей, знаменует начало нового этапа в лингвопрагматическом изучении коммуникативного поведения.

Важной особенностью межличностной прагматики является расширение объекта исследования, который более не ограничивается поведенческими стратегиями, направленными на достижение гармонии между участниками интеракции (т. е. сферой вежливого поведения), но включает все виды взаимодействия коммуникантов, в том числе вербальную агрессию, грубость, невежливость и т. п.

Исследователи новой волны выступают за индуктивный подход, подразумевающий анализ эмпирического материала и оценочных суждений информантов. Они переходят от анализа отдельных высказываний, иллюстрирующих теоретические построения лингвистов, к изучению достаточно обширных отрезков дискурса, демонстрирующих реальное речевое поведение участников коммуникации (дискурсивные феномены первого порядка). В методологическом плане основой этих исследований становится интеракционизм: исключительное внимание к интенциям адресанта сменяет убеждение, что формирование коммуникативных смыслов, идентичностей коммуникантов, их взаимных отношений происходит динамически в результате совместных усилий в ходе интеракции. Учет реакций собеседника позволяет исследовать не только иллокутивную силу, но и перлокутивный эффект высказывания. Это требует тщательного анализа конкретных интеракций с применением качественных методов анализа.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Brown P., Levinson S. *Politeness: Some universals in language usage*. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.
2. Ларина Т. В. Вежливость как предмет научного исследования // *Коммуникативное поведение. Вежливость как коммуникативная категория*. Воронеж: Истоки, 2003. С. 10–22.
3. Германова Н. Н. Англоязычные теории вежливости и методологические проблемы сопоставительной лингво-прагматики // *Методология современного языкознания – 3: сборник статей в честь юбилея В. А. Пищальниковой*. М.: Р. Валент, 2021. С. 51–63.
4. Watts R. J. *Politeness*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
5. Eelen G. *A Critique of Politeness Theory*. London: Routledge, 2014.
6. *The SAGE Handbook of Interpersonal Communication* / Ed. by M. L. Knapp, J. A. Daly. 4th ed. Los Angeles, etc: SAGE Publications, 2011.
7. *Interpersonal Pragmatics* / Ed. by M. A. Locher, S. L. Graham. Berlin – New York: Walter de Gruyter, 2010.
8. *The Handbook of Interpersonal Communication* / Ed. by G. Antos, E. Ventola. Berlin – New York: Walter de Gruyter, 2008.
9. *The Palgrave Handbook of Linguistic (Im)Politeness* / Ed. by J. Culpeper, M. Haugh, D. Z. Kádár. London: Palgrave Macmillan, 2017.
10. Arundale R. B. *Communicating and Relating. Constituting Face in Everyday Interacting*. Oxford: Oxford University Press, 2020.
11. Haugh M., Kádár D.Z., Mills S. *Interpersonal pragmatics: issues and debates*. *Journal of Pragmatics*. 2013. № 58. P. 1–11.
12. *The Cambridge Handbook of Sociopragmatics* / Ed. by M. Haugh, D. Z. Kádár, M. Terkourafi. Cambridge: Cambridge University Press, 2021.
13. Leech G. N. *Principles of Pragmatics*. London–New-York: Routledge, 2016.
14. Locher M.A., Graham S. *Interpersonal Pragmatics* // *The Cambridge Handbook of Sociopragmatics* / Ed. by M. Haugh, D. Z. Kádár, M. Terkourafi. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. P. 569–591.
15. Haugh M., Culpeper J. *Interpersonal Pragmatics* // *Pragmatics and the English Language*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2014. P. 197–234.
16. Enfield N. *Relationship thinking and human pragmatics* // *Journal of Pragmatics*. 2009. № 41(1). P.60–78.
17. Spencer-Oatey H. *Rapport Management: A Framework for Analysis* // *Culturally Speaking: Managing Rapport through Talk across Cultures* / Ed. by H. Spencer-Oatey. London–New York: Continuum, 2000. P. 11–46.
18. Spencer-Oatey H. *(Im)Politeness, Face and Perceptions of Rapport: Unpackaging their Bases and Interrelationships* // *Journal of Politeness Research*. 2005. Vol. 1 (1). P. 95–119.
19. Locher M. A., Watts R. J. *Politeness theory and relational work*. *Journal of Politeness Research*. 2005. № 1 (1). P. 9–33.
20. Locher M. A. *Power and Politeness in Action: Disagreements in Oral Communication*. Berlin – New York: Mouton de Gruyter, 2004.
21. Culpeper J. *Towards an Anatomy of Impoliteness* // *Journal of Pragmatics*. 1996. № 25 (3). P. 349–367.
22. Culpeper J. *Impoliteness: Using language to cause offence*. Cambridge: Cambridge University Press, 2011.
23. Culpeper J., Hardaker C. *Impoliteness* // *The Palgrave Handbook of Linguistic (Im)Politeness* / Ed. by J. Culpeper, M. Haugh, D. Kádár. London: Palgrave Macmillan, 2017.
24. Bousfield D. *Researching impoliteness and rudeness: Issues and definitions* // *Interpersonal Pragmatics* / Ed. by M. A. Locher, S. L. Graham. Berlin–NY: Walter de Gruyter, 2010. P. 101–136.
25. *Impoliteness in Language: Studies on its Interplay* / Ed. by D. M. Bousfield, A. Locher. Berlin – New York: Mouton de Gruyter, 2008.
26. *Interdisciplinary Perspectives on Im/politeness* / Ed. by M. Terkourafi. Amsterdam–Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2015.
27. Франк Д. Семь грехов прагматики: тезисы о теории речевых актов, анализе речевого общения, лингвистике и риторике // *Новое в зарубежной лингвистике*. М.: Прогресс, 1986. Выпуск 17: Теория речевых актов. С. 363–373.
28. Sifianou M. *Disagreements, face and politeness* // *Journal of Pragmatics*. 2012. Vol. 44 (12). P.1554–1564.
29. Arundale R. B. *Toward a pragmatics of relating in conversational interaction* // *Journal of Pragmatics*. 2021. Vol. 179 (8). P. 19–25.

30. Angouri J., Locher M. A. Theorising disagreement in problem solving meeting talk // *Journal of Pragmatics*. 2012. Vol. 44 (12). P. 1549–1553.

REFERENCES

1. Brown, P., Levinson, S. (1987). *Politeness: Some universals in language usage*. Cambridge: Cambridge University Press.
2. Larina, T. V. (2003). Politeness as an object of scholarly research. *Kommunikativnoe povedenie. Vezhlivost' kak kommunikativnaya kategoriya* (pp.10–22): The collection of articles. Voronezh: Istoki. (In Russ.)
3. Guermanova, N.N. (2021). Western politeness theories and methodological problems of comparative pragmatics. *Metodologiya sovremennogo yazykoznanija – 3* (pp. 51–63): The collection of articles in honor of V. A. Pishchal'nikova's jubilee. Moscow: R Valent. (In Russ.)
4. Watts, R. J. (2003). *Politeness*. Cambridge: Cambridge University Press.
5. Eelen, G. (2014) *A Critique of Politeness Theory*. London: Routledge.
6. Knapp, M. L., Daly, J. A. (Eds.). (2011). *The SAGE Handbook of Interpersonal Communication*. 4th ed. Los Angeles etc: SAGE Publications.
7. Locher, M. A., Graham, S. L. (Eds.). (2010). *Interpersonal Pragmatics*. Berlin – New York: Walter de Gruyter.
8. Antos, G., Ventola, E. (Eds.). (2008). *The Handbook of Interpersonal Communication*. Berlin – New York: Walter de Gruyter.
9. Culpeper, J., Haugh, M., Kádár, D. Z. (Eds.). (2017). *The Palgrave Handbook of Linguistic (Im)Politeness*. London: Palgrave Macmillan.
10. Arundale, R. B. (2020). *Communicating and Relating. Constituting Face in Everyday Interacting*. Oxford: Oxford University Press.
11. Haugh, M., Kádár, D.Z., Mills, S. (2013). Interpersonal pragmatics: issues and debates. *Journal of Pragmatics*, 58, 1–11.
12. Haugh, M., Kádár, D. Z., Terkourafi, M. (Eds.). (2021). *The Cambridge Handbook of Sociopragmatics*. Cambridge: Cambridge University Press.
13. Leech, G. N. (2016). *Principles of Pragmatics*. London – New-York: Routledge.
14. Locher, M. A., Graham, S. (2021). Interpersonal Pragmatics In Haugh, M., Kádár, D. Z., Terkourafi, M. (Eds.), *The Cambridge Handbook of Sociopragmatics* (pp. 569–591). Cambridge: Cambridge University Press.
15. Haugh, M., Culpeper, J. (2014). Interpersonal Pragmatics. In *Pragmatics and the English Language* (pp. 197–234). Basingstoke: Palgrave Macmillan.
16. Enfield, N. (2009). Relationship thinking and human pragmatics. *Journal of Pragmatics*, 41(1), 60–78.
17. Spencer-Oatey, H. (2000). Rapport Management: A Framework for Analysis. In Spencer-Oatey, H. (Ed.), *Culturally Speaking: Managing Rapport through Talk across Cultures* (pp. 11–46). London–New York: Continuum.
18. Spencer-Oatey, H. (2005). (Im)Politeness, Face and Perceptions of Rapport: Unpackaging their Bases and Interrelationships. *Journal of Politeness Research*, 1(1), 95–119.
19. Locher, M. A., Watts, R. J. (2005). Politeness theory and relational work. *Journal of Politeness Research*, 1(1), 9–33.
20. Locher, M. A. (2004). *Power and Politeness in Action: Disagreements in Oral Communication*. Berlin – New York: Mouton de Gruyter.
21. Culpeper, J. (1996). Towards an Anatomy of Impoliteness. *Journal of Pragmatics*, 25(3), 349–367.
22. Culpeper, J. (2011). *Impoliteness: Using language to cause offence*. Cambridge: Cambridge University Press.
23. Culpeper, J., Hardaker, C. (2017). Impoliteness. In Culpeper, J., Haugh, M., Kádár, D. (Eds.), *The Palgrave Handbook of Linguistic (Im)Politeness*. London: Palgrave Macmillan.
24. Bousfield, D. R. (2010). Researching impoliteness and rudeness: Issues and definitions. In Locher, M. A., Graham, S. L. (Eds.), *Interpersonal Pragmatics* (pp. 101–136). Berlin–NY: Walter de Gruyter.
25. Bousfield, D. M., Locher, A. (Eds.). (2008). *Impoliteness in Language: Studies on its Interplay*. Berlin – New York: Mouton de Gruyter.
26. Terkourafi, M. (Ed.). (2015). *Interdisciplinary Perspectives on Im/politeness*. Amsterdam–Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.
27. Frank, D. (1986). Seven sins of Pragmatics: Theses about some limitations of speech act theory in relation to conversational analysis and rhetoric. In *Novoe v zarubezhnoj lingvistike* (vol. 17, pp. 363–373). Moscow: Progress.
28. Sifianou, M. (2012). Disagreements, face and politeness. *Journal of Pragmatics*, 44(12), 1554–1564.

29. Arundale, R. B. (2021). Toward a pragmatics of relating in conversational interaction. *Journal of Pragmatics*, 179(8), 19–25.
30. Angouri, J., Locher, M. A. (2012). Theorising disagreement in problem solving meeting talk. *Journal of Pragmatics*, 44(12), 1549–1553.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Германова Наталия Николаевна

доктор филологических наук, доцент
профессор кафедры общего и сравнительного языкознания
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Guermanova Natalia Nikolaevna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor
Professor at the Department of General and Comparative Linguistics
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	09.06.2025	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	05.07.2025	
принята к публикации	20.08.2025	